

Исповедь

К 100-летию со дня рождения Льва Баренбойма

Л. Баренбойм

«Музыкальное искусство, как и всякое другое, требует, чтобы тот, кто им занимается, приносил ему в жертву все свои мысли, все чувства, все время, все существо свое», — писал однажды Лев Аронович Баренбойм, выдающийся ученый и писатель, музыкант и мыслитель, профессор Московской и Санкт-Петербургской консерваторий, столетие со дня рождения которого отмечают в эти дни. Беспощадный к самому себе и отчаянно нелюбящий беспокойство, он боялся лишь одного — не успеть. Не успеть осуществить то важное, жизненно необходимое, судьбоносное для культуры страны, Отечества, что задумано, что надо сделать. Вопреки всему. Болезням. Чиновничьему про-

изволу. Непониманию. Ведь каждый день может быть последним.

Между тем одно за другим из-под его пера выходили поистине выдающиеся произведения — такие как уникальные монографии, посвященные Феликсу Блуменфельду (легендарному учителю Льва Ароновича), Антону и Николаю Рубинштейнам, Эмилю Гилельсу. Один за другим издавались многотомные фундаментальные труды ученого, вводившие широкого читателя то в сокровищницу знаний о музыкальном и эстетическом воспитании в Советском Союзе, странах Европы и США, то в кардинальные вопросы исполнительства и фортепианной педагогики. Среди таких работ стали поистине революционными монография «Путь к музицированию», обобщившая на основе грандиозного сравнительного анализа фортепианных школ мира международный опыт музыкального обучения, и Школа игры на фортепиано под тем же названием. Если к сказанному добавить принадлежавшие Льву Ароновичу многочисленные статьи, очерки, эссе, доклады и сообщения на отечественных и международных симпозиумах и конференциях, то картина его творческой деятельности представляется поистине захватывающей.

Трудно перечислить все области музыковедения и культуры, лежавшие в сфере интересов ученого. Однако всегда в их основе отчетливо просматривалась центральная тема его забот и устремлений — апология, пафос истинно творческого, индиви-

дуального начала в занятиях искусством. Тема, идущая от великих братьев Рубинштейн, их свободолюбивых и самобытных натур, унаследованная от поруганных большевизмом немеркнущих духовных и художественных ценностей прежней России. Именно Лев Аронович одним из первых во весь голос заявил о гибельности для искусства унификации, нивелировки творческой личности в системе советского музыкального образования. В дни I Международного конкурса имени П.И. Чайковского он писал: «Умалчивание, недоговоренность, а тем более равнодушие и пассивное наблюдение за имеющимися недостатками недостойно нас, деятелей советской музыки, кровно заинтересованных в судьбах нашего исполнительского искусства». С нескрываемой горечью ученый говорил и о забвении музыкально-педагогических начинаний 20-х, 30-х годов, связанных с именами Асафьевы и Яворского и направленных на широкое творческое музыкальное воспитание ребенка и подростка, воспитание, свободное от пут формализма, догм и натаскивания.

Противопоставляя узкопрофессиональную ориентацию обучения, пустившую глубокие корни в системе отечественного музыкального образования, широкому музыкально-эстетическому развитию личности, Лев Аронович одним из первых вспомнил о великой силе и радости детского музицирования, включающего в себя

самые разнообразные виды музыкальной деятельности — от исполнительства и игры с листа до импровизации и сочинения музыки, а также дал методическое обоснование необходимости повсеместного распространения этой практики в музыкальных школах. Увы, со дня смерти Льва Ароновича прошло два десятилетия, но что изменилось в системе нашего музыкального образования? Почти ничего... Бесчисленные ученики Льва Ароновича, многие из которых ныне сами стали след за своим великим учителем докторами наук и профессорами, продолжают по мере своих сил его историческое дело, но и они порой становятся пленниками системы, непримиримым оппонентом которой был ученый.

...Уже будучи смертельно больным, Лев Аронович приступает к написанию давно задуманной им книги о великом Гилельсе, ведущим лейтмотивом которой было утверждение человечности, душевного богатства и красоты в искусстве и человеке. Когда большая часть монографии была уже создана, автор умер. Лишь благодаря подвижническим усилиям Татьяны Николаевны Голланд — редактора и друга семьи — работа была завершена и увидела свет. И стала духовной исповедью, отразившей в себе всю бездну художественных и нравственных исканий единомышленников крупнейшего ученого и прославленного маэстро.

Герард КИМЕКЛИС